

Про купцов Рязанцева и Милютина

Основано на издании 1914 г

Автор адаптации: Ольга Комарова

Данный текст, а также оригинал сказки доступны для просмотра по следующему адресу:

gusi-lebedi.org/content/pro_kuptsov_ryazantseva_i_milyutina/

Друзья! Мы вкладываем в наш сайт свою душу и огромное количество времени. Поэтому мы будем рады, если вы сохраните все ссылки в документе, а также расскажете о нас своим друзьям.

Команда gusi-lebedi.org

Про купцов Рязанцева и Милютина

Жили-были по соседству в славном граде Санкт-Петербурге два купца: Василий Рязанцев да Никанор Милютин. Жёны у них – умницы да красавицы, а детишек Бог не дал. Очень уж о наследниках купцы те мечтали, богатство для них копили да православным святым молились. Вот как-то повстречались они на званом обеде да договорились, что если у одного сын родится, а у другого дочь, непременно дадут они им своё благословение. Дескать, пусть живут дети в мире да согласии, любят и уважают друг друга, как их родители. Ударили Рязанцев с Милютиным по рукам, составили документ. А чтобы договор свой подтвердить, отнесли его на подпись генералам да боярам. Все высшие чины сделку одобрили, осталось только царю ту бумагу подписать. Вот явились купцы к государю и говорят:

– Царь наш, батюшка, милости твоей просим! Как дети у нас родятся да вырастут, хотим их поженить. Скрепи своей подписью наше соглашение!

— Нет, – отвечает государь. – Не могу я договор ваш подписать. Вдруг, у одного из вас ребёнок умный будет, а другого – глупец? Как же им одной семьей жить? Только друг друга мучить! Оставлю-ка я эту бумагу у себя до поры до времени. А если у вас обоих детишки умными вырастут, тогда и подпишу.

На том и порешили. Вот отправились как-то Василий с Никанором в другой город по торговым своим делам. Месяцев девять их дома не было, возвращаются, а жёны у обоих на сносях! Не прошло и недели, как в один день да в один час родились у соседей детки: у Рязанцева сын, назвали его Иваном, а у Милютина дочь, дали ей имя Катя. Радуются купцы, в ребятишках своих души не чают, да про уговор свой не забывают. Когда исполнилось наследникам по двенадцать годков, поехали Василий с Никанором торговать в дальние страны. Долго их не было, лет шесть. Много они денег заработали, товаров заморских накупили, снарядили корабль, набрали команду да в родной Санкт-Петербург отправились. Уж больше половины пути преодолели, как застал их посреди моря шторм. Три дня да три ночи корабль, словно игрушку, с волны на волну бросало, еле устоял. А на четвёртые сутки остановилось судно посреди моря и ни туда, ни сюда. Чего только шкипер с матросами не делали, а корабль ни с места. Вышел тогда Рязанцев на палубу, подошёл к бортику и стал кричать в гладь морскую:

— Царь Водяник, повелитель морей-океанов! Отпусти наш корабль с миром! Если дань тебе какая нужна, ты скажи, только не держи! Любой оброк тебе заплатим!

— Не надо мне ни злата ни серебра, ни товаров заморских! – слышался голос со дна морского. – Нужен мне купец Рязанцев! Пусть он в пучину морскую прыгнет, тогда отпущу я корабль с миром.

Созвал тогда купец всю команду да друга своего Никанора на совет, стал речь держать:

— До той поры царь Водяник нас не отпустит, покуда я в пучину не прыгну. Ничего не поделаешь, знать, судьба моя такая. Исполню я волю владыки морского, иначе он корабль вовек с этого места не отпустит. А вы плывите себе с миром. Как в Санкт-Петербург прибудете, передайте долю, мною заработанную, жене да сыну. А ты, Никанор, не забудь про соглашение стародавнее: пожени деток наших, как договаривались.

Знает Рязанцев, что на гибель неминуемую отправляется, решил он в торжественном обличье перед Богом предстать. Надел купец рубаху белую да штаны чёрные – всё самое нарядное, что при себе имел. Попрощался с Милютиным, шкипером да матросами и прыгнул в морскую пучину. Тотчас же корабль будто с якоря снялся, набрал ход и поплыл к порту назначения. А Василий всё в воде бултыхается, не тонет. Уж и грести перестал, а всё никак его царь Водяник к себе не забирает. Лёг тогда купец на волну морскую, словно на перину пуховую, раскинул руки, воззрел очи ясные к небу и отдался воле Божьей.

— Будь, что будет! – думает.

Долго он так лежал, словно в забытии. Волны его качают, морской бриз обдувает, солнышко лучами ласкает. Очнулся Рязанцев от того, что стали ему крики чаек мерещиться. Глядь, а его к какому-то острову прибило! Лежит он на песке прибрежном, а вокруг никого. Снял Василий с себя с себя одежду, отжал, на солнышке высушил да отправился остров незнакомый исследовать.

Долго ли он шёл, коротко ли, пока не добрался до огромного двухэтажного дома. Зашёл купец в те хоромы, стал осматриваться. На первом этаже все горницы обошёл – никого не нашёл. Поднялся он тогда на второй этаж. Заглянул в первую комнату, а там на стене портрет красивой девушки висит. Подошёл Рязанцев поближе, чтобы получше картину ту рассмотреть, и заметил в углу надпись: «Если ты на этой девице не женишься, ждёт тебя смерть». Заглянул Василий во вторую комнату, а потом в третью – везде портреты красивых девушек висят с такими же надписями. Вернулся он на первый этаж, стал размышлять:

— Это где ж такое видано, чтобы при живой жене на другой жениться? Не нужен мне никто больше! Я свою суженую люблю, до конца дней своих верен ей останусь!

Решил купец вздремнуть после своих приключений, прилёг на диван, а уснуть никак не может: есть так хочется, что аж желудок сводит! Только он о еде подумал, как в ту же секунду перед ним стол полный яств очутился. И мясо тут, и рыба, и пироги, и наливочка!

— Вот это угощение, так угощение! – обрадовался Рязанцев да на еду набросился.

Наелся он, напился и, наконец-то, сытый уснул. Три дня да три ночи проспал. Проснулся – совсем счёт времени потерял. Вдруг слышит: позвякивают за окном колокольчики, знать, едет кто-то. Не успел он спрятаться, как вошли в горницу те девицы, чьи портреты на втором этаже висят. Подошла к нему первая, села рядышком на диван, в щёку поцеловала и говорит:

— Женись на мне, Василий! Любить тебя буду крепко, деток нарожаю, а богатства моего нам с тобой до конца жизни хватит!

Оттолкнул её Рязанцев да как закричит:

— Это где ж такое видано, чтобы при живой жене на другой жениться? Не нужен мне никто больше! Я свою суженую люблю, до конца своих дней верен ей останусь!

Подошла тогда к нему вторая девица, а потом третья, и все одно и то же говорят: жениться предлагают, богатство обещают. Всем Василий отказал, ни одну из них в жёны не позвал.

— Ну, раз так, можешь с жизнью прощаться! Мы тебе этого не простим! О решение своём ты ещё пожалеешь! – рассердились красавицы и прочь уехали.

Лёг купец и снова три дня да три ночи проспал. Как проснулся, думает:

— Где я? И какой сегодня день? Эх, хорошо бы умыться, наваждение с себя смыть!

Только мысли эти в голове его промелькнули, тут же в горнице рукомойник появился, а рядом чистое полотенце. Умылся Рязанцев, стал вчерашнее угощение вспоминать. Едва о еде подумал, сразу же перед ним стол полный яств очутился. И мясо тут, и рыба, и пироги, и самовар дымящийся с чайком горячим. Поел-попил купец да отправился на прогулку. Все окрестности обошёл – ни одной живой души не нашёл. Вернулся он в дом затемно, решил в те комнаты заглянуть, что ещё проверить не успел. Зашёл в одну, а там весь пол щепками завален.

— Непорядок, – думает Василий, – надобно бы прибраться.

А тут как раз в углу метёлка стоит. Взял он её в руки да давай мести. Мёл, мёл, в кучу всё смёл и увидел меж щепок карту из колоды игральной – пикового валета. Только поднял её купец с пола, как тут же откуда ни возьмись три мальчика-удальца появились. Опешил Рязанцев:

— Это кто ж вы такие будете?

— Мы карточные духи! Любые желания исполняем! Чего, любезный, изволите? – спрашивают мальцы-удальцы.

— Имею я одно-единственное желание: верните меня в родной Санкт-Петербург, к жене моей любимой да сынку родненькому! – взмолился купец.

А карточные духи тут же хором отвечают:

— Нет ничего проще! Выйди на балкон, глаза зажмурь да до тысячи считай. Как досчитаешь, сразу дома и окажешься.

Сделал Василий так, как мальцы-удальцы велели. Вышел на балкон, зажмурился, стал считать: один, два, три, четыре, пять..... До 999 досчитал, не выдержал да открыл глаза. Видит: стоит он на Лодейном поле, что в двухстах верстах от Санкт-Петербурга, в руках карту с пиковым валетом держит.

— Эх, – думает, – что ж это я поспешил, рано глаза открыл? Досчитал бы до тысячи, прямёхонько бы в своей усадьбе очутился. Ну да ладно, всё же родные края – всяко лучше, чем какой-то там остров неизвестный, доберусь уж до дома как-нибудь.

Побежал в сторону города, словно на крыльях полетел. Мчится, ног под собой не чувствует. Вёрст двадцать отмахал – притомился, присел отдохнуть у обочины. А тут, на счастье его повозка по дороге мчится. Остановилась рядом, вышел из неё купец Милютин. Узнал он друга своего, обнялись они, расцеловались.

— А мы уж, Василий, решили, что ты утонул, – говорит Никанор. – Никто, кроме жены твоей, не верил, что ты выживешь. Наотрез отказалась она тебя оплакивать. Жив, говорит, любимый мой, да и всё тут! Как же ты из пучины морской-то выбрался?

Довёз он друга до дома, а по дороге рассказал ему Рязанцев о своих приключениях. Как увидели жена с сыном Василия живым да здоровым, три дня и три ночи от него не отходили, насмотреться-надышаться не могли. А потом зажили они по-прежнему, в трудах праведных да заботах. Только стал Рязанцев замечать, что дела его в гору перестали идти, жена хворать начала, а сын потихоньку от рук отбиваться стал. Взрослый уж детина, а отцу совсем не помогает, всё с приятелями гуляет, отцовские деньги проматывает. Пошёл купец в церковь, поставил свечку во здравие, попросил у батюшки совета.

— Духи у тебя нечистые дома поселились, – говорит ему святой отец. – Покуда от них не избавишься, не видать твоей семье покоя.

Вспомнил тогда Василий, что карту игральную, которую на острове нашёл, он так и не выбросил. Отыскал её дома да выкинул в канаву сточную. Только прошло дня три, смотрит – а пиковый валет тот снова у него в шкафчике лежит. Отнёс тогда купец карту в лес, оставил под сосной высокой, а она опять дома появилась. Съездил в другой город да там выбросил, и снова ничего не получилось. Как ни пытался бедолага от пикового валаета избавиться, тот всё равно дома оказывался. А потом слёг Рязанцев, и жена его разболелась пуще прежнего. Хорошо хоть успел отец перед смертью сыну своему рассказать, что ещё до его рождения сговорились они с купцом Милютиним детей своих поженить, а договор о том, генералами да боярами подписанный, у самого царя хранится.

Не прошло и месяца, как Иван обоих родителей схоронил. И пошла его жизнь совсем вразнос: день и ночь из кабаков не вылезает, работать не хочет, знай себе богатство, отцом нажитое, проматывает. Сам того не замечает, как духи карточные его всё сильнее да сильнее подначивают:

— Пей, Ванюша, гуляй, пока молодой!

Видит Милютин такое дело и совсем уж не рад, что другу покойному пообещал дочь свою за его сына замуж отдать. Отправился он к царю и говорит:

— Помнишь, государь, про наше стародавнее соглашение с Василием Рязанцевым? Так вот, правильно ты сделал, что не подписал его тогда! Дурак-дураком Иван оказался! Такое наследство огромный просадил! Это ж разве умному человеку возможно?

— Нет, – отвечает царь, – сын Рязанцева совсем не глуп! Тут нечистая сила вмешалась, надобно во всём разобраться. Вспомни-ка, что тебе друг твой покойный о своих приключениях поведал?

Перебрал Милютин в памяти слова Василия и припомнил, что тот о волшебной карте рассказывал, из которой три молодца-удальца выскочили да домой ему вернуться помогли.

— Знать, те пиковые валеты Ванюшку теребят, с пути истинного сбивают, – думает. – Надобно паренька предупредить, не то совсем пропадёт.

Пришёл он к Рязанцеву-младшему в дом да поведал, что от батюшки его узнал. Поблагодарил Иван соседа, а как тот ушёл, стал отцовские вещи перебирать, волшебную карту искать. Весь дом перерыл – никак найти не может! Отыскал, наконец, пикового валета в сундуке старом, рядом со своими пелёнками детскими. Положил он ту карту в шкатулку серебряную, что от маменьки осталась, запер её на ключик золотой да закопал на заднем дворе. Затем поехал купеческий сын на берег Невы и выбросил ключик в воду. Подхватила его рыбина огромная да в море утащила – на то место, где царь Водяник корабль папенькин удерживал.

Вернулся Иван домой, смотрит: кругом грязь да нищета. Не понимает он, как за такой короткий срок успел всё богатство батюшкино промотать. Вспомнил он тогда, что отец перед смертью рассказал: дескать, договорились они с Никанором детей своих поженить. А Катя-то Ивану с детства нравилась, только пока он пил да гулял, позабыл о девушке совсем. Отправился Рязанцев-сын к соседу и говорит:

— Я свататься пришёл! Отдавай за меня дочку свою замуж, как вы с папенькой моим условились. Уговор дороже денег!

А Милютин в отказ пошёл: зачем ему нищий зять? Как он будет семью свою содержать? Нет ему больше доверия! Вдруг он снова за старое возьмётся да в загул ударится? Как уж Иван его не увещевал, что теперь точно за ум возьмётся, и некому его больше

подначивать, Никанор ни в какую! К тому же купец для наследницы своей и жениха уже нового подыскал – генерала питерского, при деньгах да при звании. Не беда, что он дочке не по нраву, стерпится – слюбится. А Катя слушает да вздыхает, папеньку ослушаться не смеет.

Ушёл Иван ни с чем, заперся дома да стал думать, как же ему на дочке Милютина жениться. Три дня и три ночи мозговал, а потом продал последний батюшкин кафтан, выручил за него сто рублей, в дело вложил да к царю отправился.

— Вразуми, – говорит, – государь-батюшка, купца Милютина! Заставь его стародавний договор исполнить – дочь свою за меня замуж отдать!

— Помню я про то соглашение, – отвечает царь, – только слышал я, что ты имя отцовское посрамил, всё наследство своё в кабаках прокутил. Чем же ты жену да детей кормить будешь?

— Виноват, государь-батюшка! Нечистые силы меня попутали, но теперь я от них избавился. Жизнь веду праведную, последние деньги в дело вложил, вот-вот доход приносить начнёт!

— Да, вижу, не дурак ты, Иван Рязанцев! Раз сам смог из передряги выпутаться, значит, и семью свою содержать сумеешь.

Подписал царь договор, который у него долгие годы хранился. Пришлось Никанору Милютину дочь свою замуж за сына друга своего покойного отдавать. Сыграли они свадьбу, стали жить в мире да согласии.